

Международный симпозиум «Пограничье: исторический и культурно-антропологический аспекты»

15–16 ноября 2004 г. в Харьковском национальном университете им. В.Н. Каразина состоялся международный симпозиум «Пограничье: исторический и культурно-антропологический аспекты», посвященный проблемам границ, «контактных зон» и «ареалов взаимодействия» людей и идей, исторических, культурных, социальных и языковых связей и отношений.

Инициаторами и организаторами симпозиума, состоявшегося в канун празднования 200-летия Харьковского университета, выступили Восточный институт украиноведения им. Ковальских (Харьков, Украина) и Европейский университет в Санкт-Петербурге (Россия). В работе симпозиума приняли участие исследователи из Украины, России, Польши и Белоруссии, работающие в сфере истории, социальной, философской и исторической антропологии, социолингвистики.

Открывая работу симпозиума, перед участниками научного форума с приветственной

речью выступили сопредседатели Оргкомитета симпозиума — директор Восточного института украиноведения им. Ковальских Владимир Кравченко и ректор ЕУ в СПб Николай Вахтин, а также ректор ХНУ Виль Бакиров.

На первом заседании прозвучали доклады, посвященные роли границы в становлении этнического и национального самосознания, проблемам формирования на этой основе особенностей национальных характеров и национальных движений. Так, в докладе **Павла Терешковича** (ЕГУ, Минск, Белоруссия) были проанализированы социальные ресурсы национальных движений XIX — нач. XX вв. в пограничном регионе Белоруссии, Украины и Молдавии, особенности генерирования национальных идей в обозначенном регионе, темпы развития национальной консолидации и факторы, ее вызывающие.

Месту и роли цивилизационного фронта в становлении национальной идентичности украинцев был посвящен доклад **Михаила Чугуенко** (ХНУ, Харьков, Украина). Исходя из известного тезиса Ф.Д. Тернера о решающей роли границы в формировании североамериканской нации и ее национальной идентичности, автором была предложена к обсуждению гипотеза о влиянии цивилизационного кордона на становление национальной идентичности украинцев, выделены и проанализированы как конструктивные, так и деструктивные воздействия обозначенного феномена. Так, например, к конструктивным воздействиям цивилизационного фронта на становление национальной идентичности украинцев автор отнес формирование таких черт, как индивидуализм, свободолюбие, стихийный демократизм, а также мобильность и пластичность украинского национального характера. Деструктивные воздействия, по мнению докладчика, парадоксальным образом выступали продолжением воздействий положительных: в этой связи автор привел пример предложенного П. Кулишем и В. Липинским феномена «духа степи» как политико-психологического комплекса, включающего в себя социальный эгалитаризм, анархизм, а также специфическую номадную стратегию выживания (например, массовые миграции в ответ на ухудшающиеся условия жизни), которые, в свою очередь, осложняли консолидацию народа на основе национальной идеи.

Этническим, конфессиональным и временным границам «между своим и чужим» посвятила свой доклад **Валерия Колосова** (ЕУ в СПб., Россия). Изучая особенности ритуальной и бытовой жизни села Старые Бросковцы Сторожинецкого района Черновицкой области со смешанным украинско-румынским населением, автор проанализировала содержание стереотипных представлений этих этносов друг о друге, их оценку и ситуа-

ции, в которых они становятся актуальными, отношение жителей села к обычаям соседних сел, к смене государственной принадлежности, к тому, что было «раньше» и что изменилось «сейчас».

Второе и третье заседания первого дня работы симпозиума были посвящены проблемам взаимоотношения языкового и национального самосознания, особенностям языкового выбора и языковой идентичности, феномену лингвистического пограничья. **Иоанна Гэтка** (Варшавский университет, Польша) основное внимание в своем докладе обратила на особенности языка, самоидентичность и национальную принадлежность жителей белорусско-русского пограничья (на примере Могилевской области). Основу выступления составили материалы полевых исследований, проведенных в рамках Международной гуманитарной школы Средне-Восточной Европы (МГШ) в июне 2004 г., анализ которых позволил исследовательнице, в частности, прийти к выводам о том, что язык не является фактором, который определяет национальную принадлежность жителей данного региона, а языковую ситуацию исследуемого пограничья нельзя определить как билингвизм. Язык, на котором общаются жители, не связан ни с государством, ни с «паспортной» национальностью, и для характеристики языка жителей белорусско-русского пограничья, по мнению автора доклада, более уместным является понятие «локальности». При этом автор подчеркивает специфическое для данного региона понимание национальности как белорусско-русской, что обусловлено многовековой близостью культур, православным вероисповеданием (противопоставляемым католицизму поляков и «западников»), а также традициями единого государства.

Материалы полевых исследований на территории Могилевской области республики Беларусь также легли в основу следующего доклада «Белорусско-российское пограничье. К вопросу о языковом самосознании», автор которого (**Ольга Конова-лова**, ЕУ в СПб., Россия) предприняла попытку социолингвистического описания языковой ситуации на белорусско-российском пограничье с учетом как высказываний информантов, так и наблюдений исследователей, что дало возможность сделать предварительные выводы по поводу «воображаемой» и «действительной» языковой ситуации в изучаемом регионе. В частности, автором было высказано предположение о наличии на белорусско-российском пограничье двух основных языковых оппозиций: «смешанный» идиом с одной стороны и «чистый» белорусский язык с другой; а также «деревенский» («свой», «смешанный») язык и язык «городской», т.е. русский; при этом оппозиция «русский язык»—«белорусский язык» на

белорусско-российском пограничье не занимает, по мнению автора, доминирующего положения.

Пять образов языкового пограничья, пять моделей билингвизма, находящихся в зависимости от степени выявленности границ своего/чужого и особенностей языковой идентификации жителя «контактной зоны», были предложены **Лидией Стародубцевой**, автором доклада «Ирония билингвизма, или Жизнь на границах языков» (ХНУ, Харьков, Украина). Это, прежде всего, *противостояние* двух языков — своеобразная лингвистическая ксенофобия или жажда «лингвоцида»; *разобщение* — два языка «живут» в сознании жителя контактной зоны автономно, не смешиваясь и не пересекаясь; *поглощение* — границы между «своим» и «чужим» словно бы вбираются внутрь доминантного языка, который подчиняет себе второй язык в качестве дополнительного, второстепенного; *пересечение* — два языка перекрещиваются в лексиконе говорящего, обретают общую лингвистическую территорию; и, наконец, *слияние* — полное лингвистическое примирение и гармония.

В докладах, прозвучавших на третьем заседании симпозиума, сохранились тематические приоритеты предыдущего заседания. **Мария Луцевич** (Варшавский университет, Польша) в своем докладе охарактеризовала социолингвистическую ситуацию в белорусско-польском пограничье на примере деревни Соничи на Гродненщине, выделив ее следующие особенности: наличие идеолектальной дифференциации местного польского говора; характерный для подавляющего большинства жителей Сонич западно-белорусский (гродненско-барановический) говор юго-западного диалекта белорусского языка; диглоссия польскоязычных семей на фоне присущего всем остальным жителям деревни билингвизма; присутствие немногочисленных носителей местного польского языка, который становится смешанной системой под влиянием большого количества интерференций белорусского и — особенно — русского языка.

В докладе **Николая Вахтина, Оксаны Жиронкиной и Екатерины Романовой** (ЕУ в СПб., Россия) был проанализирован ряд противоречий между ментальным и практическим языковым выбором жителей Харьковского и Киевского регионов. Под «ментальным» языковым выбором авторы предлагают понимать декларируемое информантами предпочтение того или иного языка в ситуациях официального или неформального характера, «практический» языковой выбор, в свою очередь, выражается как в реальном речевом поведении информантов, так и в оценке ими своего речевого поведения в тех или иных ситуациях. Выявленные авторами противоречия, характеризующие современную языковую ситуацию на Украине, дали

основание прийти к выводу о «размытом» или «пограничном» характере идентичности, особо присущем молодым людям (до 25 лет).

Следующий доклад был посвящен эксперименту, который проводился среди учеников 10-х классов двух школ Харькова в октябре 2003 г. Эксперимент, проведенный автором доклада (**Ольга Ермишкина**, ЕУ в СПб., Россия), должен был выявить отношение испытуемых к трем языковым вариантам: русско-му, украинскому языкам и к суржику. Проанализировав полученные в результате эксперимента данные, помимо прочего автор пришла к выводу о том, что оценки русского варианта текста были выше, чем оценки украинского; оценки украинского варианта текста были выше, чем оценки текста на суржике; при этом испытуемые практически без ошибок опознавали язык записи как русский, а суржик и украинский путали между собой.

Тематика первого заседания второго дня работы симпозиума объединила доклады, посвященные различным аспектам феномена «города на границе». Первый на этом заседании доклад **Ивана Митина** (НИИ культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева, Москва, Россия) был посвящен проблеме мифогеографии как теоретической рамке исследования множественных контекстов места и инструменту презентации городов-на-границе. С одной стороны, было подчеркнуто в выступлении, мифогеография служит *теоретической рамкой* исследования множественных реальностей, позволяя понять, как могут сосуществовать противоречивые образы и ценностные установки в одном конкретном месте — в пограничье. С другой стороны, мифогеография позволяет, в зависимости от условий, сформировать необходимый контекст-реальность места, выступая, таким образом, *инструментом презентации* города-на-границе.

В фокусе внимания следующего докладчика оказались так называемые «разделенные города» Ивангород и Нарва, расположенные на российско-эстонской границе, и один аспект взаимоотношений между этими двумя городами — появление и функционирование новых исторических нарративов в ходе национального строительства (**Ольга Бредникова**, ЦНСИ, Санкт-Петербург, Россия). Согласно мнению автора, в Нарве и Ивангороде востребуются разные истории, их написание ставит разные цели, и они вписаны в разные проекты — «*европейский проект Нарвы*» и «*национальный проект Ивангорода*». При этом, как особо подчеркнула автор исследования, истории «разделенных городов» практически не вступают в диалог, не конкурируют и не солидизируются в интерпретации

совместных исторических событий, а сами города буквально «смотрят в разные стороны».

Цикличность функциональных трансформаций городов украинско-российского пограничья из «зоны контактов» в «анклавы цивилизации» и вновь в «зоны контактов» были рассмотрены в докладе **Дмитрия Черного** (ХНУ, Харьков, Украина). В качестве примера автор привел Харьков, который со времени своего основания и до конца XVIII в. оставался скорее украинским анклавом в пограничье между Гетманщиной, Россией и Крымским ханством. Начиная с конца XVIII и до середины XIX вв. Харьков и соседний ему по пограничью Екатеринославль становятся «контактной зоной» между российским чиновничеством и местным населением, а со второй половины и до конца XIX в. — между украинским и русским населением высокоиндустриального города. В свою очередь, в начале XX в. эти губернские центры вновь становятся «анклавами», население которых в значительной степени противостоит окружающему крестьянскому миру, что особенно резко проявилось во время национально-демократической революции 1917–1929 гг.

Проблеме переселенческого пограничья посвятила свой доклад **Екатерина Мельникова** (ЕУ в СПб., Россия), в частности — стратегиям «представления себя» советских мигрантов на территории бывшей финской Карелии. Основной стратегией автор называет стратегию т.н. «толерантности». В целом характерная для всех современных жителей Карелии и Карельского перешейка, она определяет их стремление подчеркнуть свою принадлежность к широкой категории «переселенцев» вообще, лояльность ко всем приезжим и нежелание говорить об отличиях между ними. При этом стратегия «толерантности» соседствует в рассказах с представлением себя как части более узкой группы — носителей определенных признаков и общего названия.

Второе заседание открыло выступление **Александра Лысенко** (Институт истории Украины НАНУ, Киев, Украина) «Украинцы и поляки в местах совместного проживания в годы Второй мировой войны: проблемы сосуществования», в котором автор остановился на процессах изменения не столько географических контуров украинско-польского пограничья, сколько его содержания: принудительная депортация местного населения, т.н. «польско-украинский» трансфер способствовали возникновению, по мнению автора, новых локальных зон пограничья в местах компактного проживания переселенцев, с характерными для них замкнутостью вовнутрь и отчужденностью вовне.

В докладе **Елены Титарь** (ХНУ, Харьков, Украина) «Территория граничной зоны в украинском культурном ландшафте»

были проанализированы значения метафоры территории в функционировании национальных идентичностей, архаические и современные разновидности этой метафоры в культуре украинских регионов.

Основные тенденции изучения пограничного региона белорусского Полесья в польской историографии 20–30-х гг. XX в. были представлены в выступлении **Ирины Олюниной** (БГУ, Минск, Беларусь), в котором особое внимание было уделено позиции этносоциолога Юзефа Обрембского, проводившего длительную стационарную экспедицию на территории Западного Полесья в 1934–1937 гг.

Размышления о границе между прошлым и настоящим в темпоральных представлениях русского просвещенного общества конца XVIII — начала XIX вв. нашли свое отражение в докладе **Татьяны Сабуровой** (Омский государственный педагогический университет, Россия), которым было открыто заключительное заседание симпозиума. Автор исходит из предположения, что различные образы прошлого и соответственно различные образы настоящего сформировали в русском общественном сознании конца XVIII — начала XIX вв. сложную темпоральную карту, на которой границы между прошлым и настоящим только начинали проводиться. Здесь, по мнению автора доклада, особое значение приобретала граница между античным прошлым и российским настоящим, между прошлым древнерусским и настоящим, между XVIII и XIX веками, при этом для темпоральных представлений русского общества была особо характерна связь времен, а не их разделение, соединяющая, а не разъединяющая функция границы.

Новое постсоветское пограничье и детерминированные им ностальгия, сопротивление переменам и адаптация были проанализированы в выступлении **Татьяны Журженко** (ХНУ, Харьков, Украина), основанном на материалах фокус-групповых интервью в трех селах Харьковской области, находящихся в так называемой «контролируемой приграничной зоне». Автор рассматривает пограничье как особую территорию, на которой особенности организации социальной жизни и ее воспроизводства связаны с фактом близости государственной границы, которая, в данном случае, стала таковой лишь в 1991 г., и пытается ответить на ряд вопросов, в том числе о том, какова роль границы в повседневной жизни сельских жителей, как воспринимают они свою новую ситуацию, что в целом означает для них этот новый социальный опыт — оказаться в течение нескольких лет жителем пограничья, не поменяв при этом места жительства.

Михаил Красиков (ХПИ, Харьков, Украина) в докладе «„Хахлы“ и „москалы“ в зеркале слобожанских народных сказок: попытка самоидентификации» остановился на присущих украинским слобожанским сказкам, записанным во второй половине XIX в., характеристиках «москалей» и неразрывно с ними связанных самохарактеристиках авторов этих сказок — «хахлов». По мнению докладчика, «москалы», наряду с немцами, татарами, в какой-то степени, цыганами, оказались очень полезными и совершенно необходимыми персонажами сказок, присматриваясь к которым украинский крестьянин (по контрасту) мог осознавать собственную идентичность и, выявляя дифференцирующие признаки, создавать свою собственную систему базовых ценностей и жизненных приоритетов.

В докладе «Национально-культурная идентичность жителя „контактной зоны“ (по материалам анкетирования студентов-первокурсников Харькова)» **Гелинада Гринченко** и **Алексей Мусиезд** (ХНУ, Харьков, Украина) представили предварительные результаты исследования, проведенного в рамках научно-исследовательской тематики, посвященной национально-культурной идентичности населения Слободской Украины и реализуемой на кафедре украиноведения философского факультета Харьковского национального университета. Главный вопрос, который ставили перед собой участники исследования, состоял в рассмотрении влияния границы на проживающих в ареале ее влияния людей, прежде всего — особенностей национально-культурной идентичности жителей пограничного региона в свете воздействия на нее фактора границы. Предварительные выводы, предложенные авторами доклада, состояли, среди прочего, в обосновании отсутствия у жителей пограничья негативной идентичности, в подтверждении гипотезы о преимущественно бикультурной ориентации жителей пограничья, а также предположения о том, что для населения данного региона язык не играет исключительной роли в процессе этнонациональной идентификации и не является средством этнодифференциации.

Материалы симпозиума будут опубликованы в специальном тематическом номере историко-культурологического сборника «Схід-Захід» (Харьков, Украина).

Гелинада Гринченко